

ШОН ТАН: «НИЧЬЯ ВЕЩЬ» В СИСТЕМЕ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ

© 2011 И.Н.Прони́на

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва. Саранск

Статья поступила в редакцию 29.10.2011

Взяв за основу сюжет книги австралийского писателя и иллюстратора Шон Тана «Ничья вещь», автор рассматривает ничью вещь в различных модусах своего бытования: как пограничный феномен, как аномалию потребительского общества, находящуюся вне общественной структуры и в тоже время занимающую определенное место в его структуре.

Ключевые слова: ничья вещь; Шон Тан; общество потребления; свое; чужое; граница.

Вещь как любой материальный предмет, занимает определенное место в культуре, однако не все вещи вписываются в существующую систему. «Биография вещей полна событий... любая вещь, не соответствующая четким категориям, считается аномалией и изымается из обычного обращения, подвергается либо сакрализации, либо изоляции...», – пишет И.Копытофф¹. Быстрая смена вещей и их смыслов порождает целый пласт вещей, вышедших из поля внимания потребительской культуры. Одним из таких феноменов является *ничья вещь*, различные смыслы бытования которой приоткрывает нам австралийский писатель и иллюстратор Шон Тан. Иллюстрированное издание книги «The Lost Thing» в русском переводе «Ничья вещь» вышло в 1999 году, а снятый по книге мультфильм «Потеря» получил премию «Оскар» в 2010 году. «Что делать, если в Вашу привычную повседневную жизнь неожиданно вторгаются потерянная собственность, безымянные объекты, загадочные конструкции неясного происхождения, просто странные вещи» – ответ на этот вопрос ищет герой книги. «Ничья вещь» предназначена для детей, однако автор затрагивает более сложные проблемы постижения бытия как мира вещей.

Коллекционируя крышки от бутылок, мальчик Шон находит на пляже гигантскую красную вещь, потерянную в большом городе. «Время летело очень быстро и с каждым часом я все яснее понимал, что никто за вещью не придет. Отрицать печальную правду не имело смысла. Она была ничья» – заключает герой книги². В интерпретации Ш.Тана ничья вещь предстает как аномалия, феномен, находящийся

вне общественной социальной структуры, но в тоже время занимающий определенное место в ее структуре. Перевод «the lost thing» говорит о потерянности, забытости, ничейности. Ш.Тан определяет ничью вещь как «находящуюся не на своем месте» и по замыслу автора мальчик отправляется искать «место» для вещи.

Ш.Тан рисует перед читателем картину потребительского общества, где вещь теряет свой голос в потребительском шуме, превращаясь в систему стандартизированных знаков. Культ потребления вытесняет на периферию такие модусы отношения к вещам как любовь, верность и доверительное общение. Окружающие не замечают ничью вещь: «Казалось кроме меня никто не обращал на нее внимание. Видимо все были заняты более важными пляжными делами» – заключает герой книги³. В рамках данной статьи рассмотрим различные смыслы бытования ничейных вещей, прослеживающиеся в сюжете произведения.

Ничья вещь – вещь без Другого. Мир вещей является условием и средством существования людей, все основные составляющие человеческой жизни находят соответствие в вещах, из них слагаются ситуации, поступки, взаимоотношения. Рассуждая о бытии вещи в произведениях Н.В.Гоголя, В.Н.Топоров, пишет: «...Бог окликает человека как Отец. Вещь окликает его как дитя, нуждающееся в отце»⁴. Таким образом, вещь всегда аккумулирует в себе опыт Другого: она бытийствует, наличествует и наделяется качествами «вещности» через обращенность к Другому, через обращенность к тому, кто ее хранит, созерцает, потребляет. В каждом предмете дремлет что-то «вещное», след или возможность какого-то человеческого свершения. Вещь как вестник Другого, Иного – необходимое условие ее познания. «Предмет обращен вне себя, где он

⁰ Прони́на Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна и рекламы.

E-mail: proninain@mail.ru

¹ Копытофф И. Культурная биография вещей: товарищезация как процесс // Социология вещей. Сб. ст. / Под ред. В.Вахштайна. – М.: 2006. – С. 165.

² Тан Ш. Ничья вещь. – М.: 2010. – С. 6.

³ Там же. – С. 3.

⁴ Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru> (Дата обращения 07.05.11).

существует только в другом и для другого, причастен миру, где его изнутри себя самого нет», – пишет М.М.Бахтин⁵.

Итак, ничья вещь – это вещь без Другого. Ничей – «никому не принадлежащий» – находим у С.И.Ожегова⁶. Ничья вещь не принадлежит никому, она находится вне режима обладания, за пределами существующей системы вещей. Система вещей строго иерархична: она способна наделять одни объекты особой ценностью, другие наоборот «выталкивать» за границы своего существования. Ничья вещь «ничего не делала», «просто была», данный факт вызывает чувство растерянности у главного героя и он отводит ее к своему другу Питу. «Я пытаюсь найти ее хозяина, – сказал я ему. Не знаю, старик, – ответил Пит. Все это довольно странно. Может, у нее вообще нет хозяина. Может, она вообще ниоткуда. Некоторые вещи сами по себе... – он выдержал паузу для драматического эффекта, – просто ничьи»⁷.

Таким образом, ничья вещь – это вещь, лишенная обладания. Владение, по мнению Ж.-П. Сартра означает «быть у себя, т.е. быть собственной целью существования объекта»⁸. Знак принадлежности сообщает дополнительную ценность предмету. «Обаяние ремесленной подделки возникает от того, что она вышла из чьих-то рук и в ней запечатлен труд этого человека: это обаяние *сотворенности*» – отмечает Ж.Бодрийяр⁹.

Ничья вещь может означать потеряность, забытость, т.е. *ничейность*. *анонимность*. Ничейность вещи несет потерю авторства, собственности, биографии, идентичности. Ничья вещь – это вещь без имени. «Определенность вещи как Другого увязана с ее способностью вступать с человеком в диалог, представая носителем слова или самим словом, то есть она должна быть обращена в смысл»¹⁰. Давая определение чему-либо, мы уточняем контекст, очерчиваем и замыкаем смысловую сферу, максимально сужаем область употребления, а значит, накладываем семантические пределы, «определяем», показываем границы. У Тана вещь – это Существо, Нечто, похожее на гигантский красный кувшин с клешнями, питающееся

елочными игрушками и не поддающееся какому-либо определению.

Таким образом, все явственнее звучит хайдеггеровская тема «врученности вещи». «Если мы мыслим вещь как вещь, мы обустроиваем бытие вещи, позволяя ей войти в собственное владение» – пишет Хайдеггер¹¹. Сущность вещи, говоря словами философа, – заключается в ее веществовании. Вещественность как потребляемость и «подручность» является в данном случае критерием истинности существования вещей: истинно то, что находится под рукой, имеет место в нашем жизненном проекте. «Мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая только для другого и могущая быть раскрытой вся сплошь и до конца односторонним актом другого (познающего). Такая вещь, лишенная собственного неотчуждаемого и непотребляемого нутра, может быть только предметом практической заинтересованности. Второй предел – мысль о Боге, в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитва. Необходимость свободного самооткровения личности. Здесь есть внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, потребить, где сохраняется всегда дистанция, в отношении которого возможно только чистое бескорыстие; открываясь для другого она всегда остается для себя»¹². Вещь должна быть подручна человеку, именно тогда событие вещи и событие человека взаимопринадлежат друг другу и составляют одно событие – событие мира. Ничья вещь обнаруживает «несобственность» своего существования.

Ничья вещь – чужая вещь. Образы «своего» и «чужого» являются структурными элементами мира. Культура создает не только свою внутреннюю организацию, но и формирует свое «чужое», свой тип внешней дезорганизации, с которой она находится в состоянии активного обмена и напряженного противостояния. Вещь имеет свое имя и место в пространственной иерархии, из-за чего реальность не воспринимается чуждой. Ничье же не отмечено знаками «своего» культурного поля, это вещь, утратившая своего владельца, свое культурное пространство. Вещи, не выполняющие свои утилитарные функции, подлежат либо уничтожению, либо удалению из «своей», личной сферы. Родители Шона поначалу не замечают вещь, когда он ее показывает, то хором требуют вернуть ее обратно. «Я попытался сказать им, что она ничья, но родители уже заговорили о чем-то другом» – с грустью говорит Шон. Тогда мальчик

⁵ Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: 2000. – С.123.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: 1973. – С. 380.

⁷ Тан Ш. Ничья вещь.... – С. 9.

⁸ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: 2009. – С. 124.

⁹ Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: 1995. – С. 86.

¹⁰ Лола Г.Н. Дизайн. Опыт метафизической транскрипции. – М.: 1998. – С. 27 – 29.

¹¹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – СПб.: 2007. – С. 371.

¹² Бахтин М.М. Автор и герой:.... – С. 227.

отводит вещь в сарай как временное пристанище для вещей.

Таким образом, ничья вещь предстает как пограничный феномен. Изучая советский коммунальный быт, И.В.Утехин, отмечает, что в коммунальной квартире хлам находился на периферии жизненного пространства: в коридоре, пустой комнате и т.п. В тоже время, по замечанию автора «коммунальные» вещи в силу товарного дефицита «свои» и «чьи-то» еще¹³. Действительно, своего рода «почтение» перед хламом мы можем наблюдать в российской ментальной традиции «вещь в России не обращается, исчерпав свою изначальную функцию, хранится на антресолях или чердаках, и даже выбрасывание означает лишь смену владельца»¹⁴. Поэтому чужое всегда может быть присвоено. Данное явление зачастую наблюдается и в современном обществе: вещь в качестве мусора выбрасывается на улицу и там, подбирается как полезная вещь. Таким образом, *ничье что еще*.

В тоже время чужое всегда определяется как «не здесь». К примеру, «чужой» в интерпретации Ю.М.Лотмана – это «пришелец извне»; «враг»; «лишенный полноты общественных прав»; «находящийся на «нашей» территории, но принадлежащий какому-то иному миру, из которого он пришел»¹⁵. Изгойничество означает исключенность из социальной иерархии или *пространственно выраженной структуры*. Ничья вещь пребывает в другой системе координат, это вещь вне дома, вне города, находящаяся «за чертой оседлости» (Н.А.Бердяев). «Пространственно такое положение связано с двумя моментами: уходом (переход в состояние изгойничества определяется разрывом с определенным местом проживания, освещенным традицией и закрепленным в культурном пространстве данного общества) и поселением в непространстве (в месте, в котором члены общины не селятся в силу определенных культурно-социальных запретов). В мифологическом осмыслении это создает параллель со смертью»¹⁶.

В современном контексте данный феномен связан с маргинальным пространством. Немец (термин М.Оже), ничейные пространства, согласно автору представляют собой места

кратковременного и анонимного обитания, скоротечного прохода и проезда – метро, вокзалы, аэропорты, автострады, гостиничные номера, супермаркеты. Это пространства, лишённые символических проявлений идентичности, оттошений и истории.

Ничья вещь лишена публичной сферы, однако, она налична в своем «пока еще здесь присутствии». Чердаки, подвалы, свалки представляют собой так называемые «мусорные топысы», аккумулирующие целый пласт вещей вышедших из поля внимания человека и общества. Таким образом, ничья вещь являет себя в отказе от обжитого мира.

Пребывание в таких местах связано с бесследным существованием, незапоминанием, неизбежным и быстрым забвением. Помещение в не-пространство отнимает у вещей смысл. Вещь можно назвать вещью только потому, что она находится там, где она присутствует. Любая вещь, обладающая актуальным существованием, обнаруживает свойства, позволяющие опознать ее как присутствующую, *Dasein*, здесь в *этом* месте. Ничьи вещи помещены своего рода в экзистенциальный вакуум как возможный способ бытия.

Вместе с тем не только старые, ветхие вещи, выпавшие из официального строя культуры воспринимаются как чуждые. Новая вещь также предстает в качестве чужой. Это обусловлено тем, что фактически новая вещь также существует в «ничейной зоне», она представляет собой лишь предмет, обладающий потребительскими качествами, но не вещь имеющую биографию, связывающую в один узел свою судьбу и судьбу человека, которому она служит. Новая вещь – неосвоенная вещь, а, следовательно, чужая вещь. Новая вещь как «чужак» входит в наш мир и ей еще предстоит доказать принадлежность человеческому способу бытия и обрести внутри него свой смысл. «Не пережитость», неосвоенность вещи духовным опытом владельца оставляет вещь чуждой.

Ничья вещь – ни-для-чего-не предназначенность. Ничья вещь в интерпретации Ш.Тана, это вещь, находящаяся за границами функциональности. В данную категорию могут попадать как ветхие вещи, исчерпавшие свою функцию и переходящие в разряд мусора, так и немодные вещи, утратившие свою «значимость» в символическом обмене. *Ничья вещь – это ни-для-чего-не предназначенность*. Такая вещь лишена инструментальности, «сподручности», наконец, это вещь – вне семантического контекста. Перемещение за пределы обжитого, присвоенного, «осмысленного» пространства отнимает у вещей смысл. Такая вещь исчезает не только из поля зрения бытия-для-себя, но и вообще исчезает

¹³ Утехин И.В. Очерки коммунального быта. – М.: 2004. – С. 49 – 54.

¹⁴ Базилева И. Суп из топора (о вещевом фольклоре В.Архипова) // Художественный журнал. – 2001. – № 34 – 35 // [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.guelman.ru/> (23.06.11).

¹⁵ Лотман Ю.М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода // История и типология русской культуры. – СПб.: 2002. – С. 222.

¹⁶ Там же. – С. 227.

утрачивая свой онтологический статус. В поисках пристанища для вещи Шон находит загадочное министерство «Концов с концами», где избавляются от вещей, бросают их навсегда, стирают из памяти и никогда за ними не возвращаются.

Вещи, как и люди, проживают жизнь в социуме, и их продолжительная функциональность определяется социокультурным контекстом. Анализ продолжительности жизни вещи связан с установлением срока длительности ее использования – является ли скорость обмена вещей высокой или низкой. К примеру, в противовес современной потребительской культуре, в рамках которой потребление соотносится с разрушением вещи и максимально быстрым завершением ее функционального цикла, потребление вещей в советской культуре сопровождалось бесконечным возвращением их к жизни. Даже окончательный выход вещи из строя, потеря первоначальных функций ведет не к «гибели» на свалке, а к превращению ее в вещь с другими функциями. Представление об «одноразовости» вещи практически отсутствовало, вещь постоянно совершенствовалась, подвергалась переделке. Данному аспекту бытования вещей посвящены работы Е.Герасимовой, О.Гуровой, Е.Деготь, Г.Орловой и др. Скорость обмена вещей в современном обществе столь высока и интенсивна, что человек отстает от своих вещей. Процесс «превращения потребностей в неумеренное потребление» (Г.Маркузе) приводит к тому, что вещи функционируют в рамках концепции постоянной новизны и в режиме непрекращающегося ускорения. Общество потребления знаменует «гибель» вещи, ее разрушение и максимально быстрое завершение функционального цикла. «Произведенное сегодня произведено не с целью получить потребительную стоимость или иметь по возможности прочный продукт, оно произведено с целью его смерти, ускорение которой равно только инфляции цен», – отмечает Ж.Бодрийяр¹⁷. Таким образом, «обрекая» общество на поиски идеальной вещи, чьи контуры изменчивы и непостоянны в калейдоскопическом пространстве моды, потребительская культура все дальше удаляет человека от процесса познания, созерцания вещей.

Ни-для-чего-не-предназначенность проявляет себя в различных модусах присутствия вещей. Рассмотрим некоторые из них. *Старинная вещь* по выражению Ж.Бодрийяра имеет функцию «заколдовывать время». Старинные вещи объективируют некое абстрактное прошлое, чу-

жую жизнь, биографию. «Хранимые в музее древности, домашняя утварь..., принадлежат «прошедшему времени» и все же еще наличны в «современности»... Они суть все еще употребительное средство – но вне употребления»¹⁸. Если товар – это предмет производства и потребления, то старинные вещи – это предметы собирания и созерцания. В тоже время вошедшие в моду российского человека такие явления как *барахолка*, *блошинный рынок* отражают стремление к намеренному приобретению «чужих» вещей. Приобретение старинных вещей, антиквариата – это некая «присвоенность» чужой жизни, приобщение к прошлому, которое было прожито другим человеком. Здесь следует различать старую и старинную вещь. Старая вещь подлежит уничтожению или удалению из личной «своей» сферы, это вещь, исчерпавшая свои функции, перешедшая в разряд *ветхой* или вещь, утратившая свой статус в процессе символического обмена, ставшая немодной.

Ветхая вещь – это вещь, не выполняющая свои утилитарные функции, вещь уже исполненная в своем бытии и еще не исполненная в своем не бытии. Феномен ветхой вещи детально проанализирован С.А.Лишаевым. Ветхое, согласно автору выступает «чистым временем», ибо оно есть «бытие к концу». Ветхое показывает вещь в ее конечности. Взятая «с конца», на ущербе, ветхая вещь предстает со стороны о-граничивающей, гранищей ее неопределенность, со стороны не-бытия¹⁹.

Мусор можно определить как последнюю стадию жизни вещи. Утрачивая функцию ценности в культуре и социуме, вещь начинает выполнять функцию мусора, т.е. чего-то такого, что лишено практической значимости и связано с негативной оценочной маркировкой. По мнению Ф.В.Фуртай мусор – это вещь, «утратившая свое место, свою пространственную встроенность, выпавшая из космоса (и быта, и бытия), вещь, ставшая безразличной»²⁰, а следовательно ничейной. Мусор – социальное явление. У каждой культуры имеется свой «мусорный лик»: у всякой ментальной традиции есть своя технология производства и утилизации мусора. Например, в современном обществе все большую активность набирают альтернативные практики потребления. Такие феномены как фриганизм, сквоттинг, DIY, шоплифтинг явля-

¹⁸ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – СПб.: 2007. – С. 378.

¹⁹ Лишаев С.А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. – СПб.: 2010. – С. 25.

²⁰ Фуртай Ф.В. Мусор – от руин до свалки: Аксиологические перспективы современной культуры // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – № 1(2). – С. 48.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: 2006.

ются классическими примерами выражения оппозиционных идеологем. Сознательный подход к потреблению как символическому отказу от общепринятых норм является своего рода формой социального протеста и претендует на становление нового образа жизни.

Послежитие ничейных вещей. С другой стороны, отсутствующая вещь может рассматриваться как существующая в другом месте. «Весь бесконечный вне-культурный, «дикий мир», – мир кануна культуры» – отмечает Библер²¹. Подтверждение этого тезиса находим у М.Хайдеггера: «Граница – это не конец чего-то, граница, как это поняли греки, есть то, с чего начинается существование чего-либо»²². Перемещаясь, из одного пространства в другое, вещь обретает новое бытие. Однако чтобы обрести голос, вещь должна оказаться там, где она будет слышима, а таким местом для вещи зачастую может оказаться лишь искусство. «Вещи в пансемиотическом мире не терпят прагматических лакун и либо отправляются на свалку, либо начинают генерировать смыслы. Впрочем, свалка тоже может взорваться смыслами, недаром современное искусство так часто ее воспроизводит» – пишет Е.Мельникова-Григорьева²³. В произведениях современных художников уже использованные вещи предстают как новая художественная целостность. Вещи включаются в пространство коллажей, инсталляций, перформансов. Все активнее в современное искусство вторгается тема мусора. Таким образом, вещь совершает переход из пространства смерти в пространство жизни художественного образа.

Можно предположить, что с ничейной вещью произошло что-то подобное. Ничья вещь находит приют, следуя извилистой стрелке, Шон и ничья вещь попадают в волшебный мир, где играли, прыгали, летали загадочные предметы. «Я не знаю, правда ли вещь оказалась в итоге на своем месте. По-моему все вещи там были не на своем месте. С другой стороны они казались вполне счастливы» – заключает Шон²⁴.

Итак, ничья вещь – пограничный феномен, в котором пересекаются и сталкиваются различные смысловые реалии. Пограничность означает беспринадлежность: ничья вещь имеет отношение к обоим мирам (своему) и (чужому), но не принадлежит, ни одному из них. Ничье – есть неопределенность бытия. Быть на границе, значит быть ничем, но если ты ничто, ты все, что угодно, этим обстоятельством определяется способность ничей вещи к генерированию новых смыслов. Принадлежа двум пространствам, ничья вещь, совершает движение как внутрь, так и вовне. Таким образом, ничья вещь обнаруживает свой онтологический характер через двойную соотнесенность с бытием и небытием.

²¹ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век). – М.: 1991. – С. 12.

²² Хайдеггер М. Строить обитать мыслить // ПРОЕКТ INTERNATIONAL. – 2008. – № 20. – С.183.

²³ Мельникова-Григорьева Е.Г. Безделушка, или жертвоприношение простых вещей: Философски-семиотические заметки по пустякам. – М.: 2008. – С.102.

²⁴ Тан Ш. Ничья вещь.... – С. 28.

SHAUN TAN: «THE LOST THING» IN THE SYSTEM OF CULTURE MEANINGS

© I.N.Pronina^o

N.P.Ogarev Mordovian State University. Saransk

Based on the book plot by the Australian writer and illustrator Shaun Tan, the article explores the lost thing in various moduses of its existence: as a borderline phenomenon and as an anomaly of consumer society lying beyond society's structure and at the same time occupying a certain place in its structure.

Key words: nobody's thing, Shaun Tan, consumer society, another person's, one's own, borderline.

^o
Irina Nikolaevna Pronina, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Design and Advertisement.
E-mail: proninain@mail.ru